

Посвящается Али

HOW TO BE AUTHENTIC

SIMONE DE BEAUVOIR AND THE QUEST FOR FULFILLMENT

Skye C. Cleary

ST. MARTIN'S
ESSENTIALS
NEW YORK

ЖАЖДА ПОДЛИННОСТИ

СКАЙ КЛИРИ

Как идеи Симоны де Бовуар
помогают стать собой

Перевод с английского

УДК 14
ББК 87.524.4
К49

Переводчик МАРИЯ ДЕСЯТОВА
Научный редактор ЭДУАРД САФРОНОВ
Редактор ОЛЬГА ЛЕБЕДУШКИНА

Клири С.

К49 Жажда подлинности: Как идеи Симоны де Бовуар помогают стать собой / Скай Клири ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 398 с.

ISBN 978-5-00139-808-0

«Жажда подлинности» не просто рассказ об одной из видных представительниц французского экзистенциализма, это попытка взглянуть на собственную жизнь сквозь призму философии Симоны де Бовуар. Философ, писательница Скай Клири делится тем, как идеи экзистенциализма помогли ей справиться с трудностями и найти выход из множества жизненных тупиков. Ключевым понятием этой философии является подлинность — то, к чему следует стремиться. Однако обретение себя — сложная задача, особенно для женщины. Взросление, любовь, супружество, материнство, старение — каждое из этих состояний может стать началом самореализации или, наоборот, поводом для отказа от нее. Как пишет Скай Клири, подлинность дает нам возможность строить то будущее, которое мы выберем.

УДК 14
ББК 87.524.4

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу nylib@alpina.ru

© Skye C. Cleary, 2022
This edition published by arrangement
with The Curious Minds Agency GmbH,
Louisa Pritchard Associates and The Van
Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод,
оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

ISBN 978-5-00139-808-0 (рус.)
ISBN 978-1-25027-135-8 (англ.)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Как стать подлинным бунтарем.....	9
---	---

Часть I. Годы становления

Экзистенциальная система мышления	35
Детство.....	69

Часть II. Состояния

Дружба.....	97
Романтическая любовь	124
Супружество.....	150
Материнство	178
Старение	205
Смерть	227

Часть III. К обретению себя

Самосаботаж	249
Счастье.....	274
Бунт	297

Словарь ключевых терминов	331
Благодарности.....	333
Примечания	335
Избранная библиография и рекомендуемая литература.....	379
Предметно-именной указатель.....	391

Моя философия должна проистекать из жизни.

«Дневник студентки-философа», том 1

Введение

КАК СТАТЬ ПОДЛИННЫМ БУНТАРЕМ

Во мне что-то бушует, и мне от этого страшно, я чувствую напряжение, которое изнуряет меня. Но я соглашаюсь на это великое приключение — быть собой.

«Дневник студентки-философа», том 2
(Cahiers de jeunesse)

«Просто будь собой». Можно подумать, это и в самом деле просто. Было бы просто, этому не приходилось бы учить. А учить, как выясняется, нужно. Мы жаждем подлинности именно потому, что она встречается до боли редко и ее трудно достичь. В конце концов за подлинность приходится бороться. Эта книга призвана помочь в ее поисках.

Подлинность сейчас девальвирована, размыта как понятие почти до потери смысла. Что значит «просто быть собой», остается лишь догадываться. В пособиях по лидерству нас учат имитировать подлинность, обещают раскрыть ее «секреты», которые помогут добиться профессионального успеха. Опра Уинфри говорит, что, если бы знала, насколько прибыльное дело — быть самой собой, стала бы таковой намного раньше. Брене Браун, написавшая популярную книгу «Дары

несовершенства»*, определяет это свойство так: «Быть естественным — значит каждый день заново забывать о том, что думают другие, и принимать себя такими, какие мы есть». Не ориентироваться на шаблонные представления о том, какими мы должны быть, — это, конечно, хорошо, но как нам узнать, кто мы на самом деле? Чтобы обеспечить свое счастье, мы, по идее, должны принять свою подлинную сущность. Но в чем она состоит и есть ли она у нас в принципе?

Раз уж мы собрались использовать слово «подлинность», хорошо бы уточнить, что под ним подразумевается, — это то, что у нас уже есть, или то, чего мы должны достичь? Стоит задуматься, как получить доступ к подлинности, как ее добиться и как изменится жизнь, если мы зададимся целью обрести себя. Можно ли считать воплощением подлинности рэп-певицу Лиззо, громко заявляющую о любви к себе и отрицающую стандарты красоты, навязанные другими? Или подлинность воплощает философ Анджела Дэвис, когда отважно отстаивает свои убеждения, выступая против несправедливости в виде сексизма, войн и тюремного заключения? А может быть, надо пойти от противного и присмотреться к явной неподлинности — безудержной лжи политиков, сплетням и злословию коллег и приятелей, селфи популярных блогеров, безупречным благодаря фотофильтрам? Как мы определяем, что все это противоположность подлинности?

Французская экзистенциалистка Симона де Бовуар считала подлинность основополагающим элементом смысла жизни. Однако она имела в виду вовсе не набор тривиальных призывов быть верным своей истинной сути. Для де Бовуар никакой неизменной «сущности» в нашем бытии нет, поскольку сегодня мы всегда не такие, как вчера. Де Бовуар придержи-

* Браун Б. Дары несовершенства: Как полюбить себя таким, какой ты есть / Пер. А. Иваняковой. — М.: Альпина нон-фикшн, 2015.

валась концепции «существование предшествует сущности»: сперва мы появляемся на свет, а потом всю жизнь создаем себя (свою сущность)¹. Она полагала, что нет никакого «подлинного “я”», которое необходимо открыть в себе, а есть лишь живое, изменчивое «я», которое мы создаем, выбирая из множества вариантов. Иными словами, мы представляем собой творческое ничто.

Стать подлинным означает создать свою сущность. Созидание здесь — самое важное. Мы не открываем себя, мы себя создаем. Подлинность — способ выразить свою свободу: осознать и признать, что мы свободны; ясно понимать, что мы вольны, а что не вольны выбирать применительно к себе, своим обстоятельствам и окружающим; и наконец, возможность использовать свою свободу как инструмент для формирования себя. Наше «я» не продукт цепочки обезличенных причин и следствий. Сотворение себя — вид искусства, акт целенаправленного выбора.

Подлинность — это поэтическая одиссея, непрерывный процесс самосозидания и самообновления, полный неповторимых рифм и ритмов, строк и строф, отступлений от темы и промахов. Нет никаких четких стилистических правил и predetermined целей, которыми необходимо на этом творческом пути руководствоваться. Свою подлинность нужно выстраивать самим. И все будет зависеть от того, как мы ее выстроим.

* * *

Подлинность — постоянный поиск, но она не может быть достигнута в одиночку, и на то есть две основные причины. Первая состоит в том, что у подлинности в том смысле, в котором ее понимает де Бовуар, есть этическое измерение. Мы делим мир с другими людьми, взаимодействуем с ними

и примерно понимаем, чего они хотят от нас и чего мы хотим от них. Иногда другие возвышают нас. Иногда создают нам препятствия. Как бы то ни было, наша жизнь неразрывно связана с окружающими. Вторая причина: мы можем находить что-то свое в историях других людей, даже (или, пожалуй, особенно) в их ошибках и заблуждениях. Познавая себя, других и свои возможности для развития, мы крепнем и закаляемся на пути к самореализации.

Подлинность состоит в том, чтобы прокладывать собственные пути, но это не значит, что можно идти напролом и творить что угодно. Для Симоны де Бовуар свобода без ответственности бессмысленна. Ответственность означает осознание, что все мы связаны между собой и живем в конкретном времени и месте. Философия де Бовуар уникальна тем, что она, как никакая иная, помогает человеку разрешить конфликт между полетом на волне собственной свободы и необходимостью лавировать среди других людей, пытающихся делать то же самое.

Де Бовуар писала: «Наша жизнь будет ценной до тех пор, пока мы находим ценной жизнь остальных, выражая это в любви, дружбе, негодовании, сострадании»². В отличие от любви, дружбы и сострадания, которые почти непременно встречаются во всех списках важных человеческих свойств, негодование здесь редкость. Де Бовуар имела в виду негодование по поводу засилья несправедливости в мире. Именно поэтому сострадание к другим так важно для подлинности, и именно из него рождается бунт — протест против гнета и стремление отстоять право каждого человека на свободное созидание своей жизни.

До начала Второй мировой войны Симона де Бовуар склонялась к пацифизму, но, наблюдая распространение фашистской идеологии и воочию видя ужасы фашизма, осознала всю важность гуманизма, солидарности и сопротивле-

ния. Она прожила в Париже весь период нацистской оккупации. Ее спутник жизни Жан-Поль Сартр девять месяцев провел в лагере для военнопленных. Многие из ее друзей пропали при невыясненных обстоятельствах. Де Бовуар создала отряд сопротивления, но через некоторое время распустила его, поскольку в других подпольных группах начались аресты, после которых люди исчезали бесследно. В 1939 году она писала: «История завладела мною, чтобы уже не отпускать»³. Точно так же захватила и не отпускала ее до самого конца жизни этика подлинности.

Этическое измерение подлинности Симона де Бовуар выражает через понятие интересубъективности, то есть умения считаться друг с другом и уважать чужую свободу. В одном из самых провокационных своих эссе под названием «Нужно ли сжечь маркиза де Сада?» де Бовуар исследует интересубъективность в сексуальном садизме. Известный либертин XVIII века маркиз де Сад получал удовольствие от жестокости в сексуальных отношениях, насилия и пыток.

Де Бовуар видела проявления подлинности у де Сада в том, что он устанавливал собственные правила, не считался с общественными условностями и со всей страстью предавался своим излюбленным занятиям (как писательству, так и садизму). Но с экзистенциальной точки зрения де Сад не обладал подлинностью, поскольку путал свободу и власть. Он вменил скандал себе в обязанность, игнорировал социальное неравенство, лишал свободы жертв, превращая их в пассивные объекты своего желания, и действовал как тиран.

Вывод Симоны де Бовуар состоит в том, что де-садовский эгоизм можно принять за проявление верности себе. Но такой образ жизни не учитывает взаимосвязанности наших существований. Путь к подлинности не может быть эгоистичен и направлен исключительно вглубь. У подлинности есть моральное измерение, поскольку мы сосуществуем с окружа-

ющими. Экзистенциальная свобода предполагает ответственность перед другими, потому что все мы принадлежим к роду человеческому.

Противники экзистенциализма часто обосновывают свою позицию так: если мы вольны сами выбирать собственные нравственные ценности, а обретение подлинности состоит в том, чтобы принять свободу и пользоваться ею, и ничто не мешает нам эксплуатировать других, что заставит нас поступать нравственно? Об этом спрашивает Ф.М. Достоевский в «Братьях Карамазовых»: если Бога нет (то есть если за нами никто не надзирает), стало быть, все позволено? Де Бовуар пыталась разрешить этот конфликт и старательно выстраивала этику, основанную на свободе. Неизменное противостояние этому «все позволено» — одна из отличительных особенностей философии де Бовуар, выделяющая ее среди философов-экзистенциалистов.

Во всех своих работах — от ранних романов до поздних автобиографий, внушительных философских трудов и множества эссе — она очерчивала возможность подлинной жизни, предполагающей взаимосвязь с другими. В конце концов, подлинность означает смелость быть честным с самим собой. Подлинность требует ясного, незатуманенного взгляда на себя. Стоит только присмотреться к себе пристальнее, и мы непременно увидим, насколько зависимы от других. Мы обнаружим, что обогащаем жизнь окружающих или становимся помехой для их намерений.

Как же обрести подлинность в экзистенциалистском смысле, который вкладывает в это понятие де Бовуар? Стремиться быть творчески мыслящим бунтарем, борющимся за идею. Эта идея — свобода. Чтобы прийти к подлинности, необходимо освободиться не только от внешнего гнета, но и от тех цепей, в которые заковываем себя сами. Мы загоняем себя в плен страха, тревоги и стремлений вписаться

в общество. Надеваем маски, удобные окружающим, но зачастую прячем какие-то части своего «я» и от себя самих — те части, которые чем-то смущают. Подлинность наделяет нас свободой снять маски, которыми мы прикрываемся, защищая себя. Она дает возможность строить то будущее, которое выберем.

Бунтуя, ставя на кон само свое существование, рискуя поступить так, как считаем правильным, мы творим себя — превращаемся в творческих бунтарей. Отважиться на такое — волнующий шаг. Но для этого придется потрудиться. Начать думать дважды. Действовать, не следуя бездумно чужим ожиданиям. Совершать поступки, осознавая, что наша жизнь тесно сплетена с остальными. Действовать, беря на себя ответственность за то, кем мы станем.

* * *

Я узнала о Симоне де Бовуар при самых неожиданных обстоятельствах. Я сидела на четырехчасовой вечерней лекции по программе МВА, вникая в тонкости корпоративного управления. Когда внимание аудитории стало ослабевать, а кто-то и вовсе начал клевать носом, преподавательница невольно ускорила темп. А потом, заговорив громче, спросила совсем о другом.

«Насколько вы на самом деле свободны на работе?» — услышала я и вскинула голову. Что за странный вопрос? Какое отношение имеет свобода к технике ведения совещаний? Преподавательница тем временем с жаром рассказывала о Симоне де Бовуар, Жан-Поле Сартре и о том, как они отстаивали идеи свободы, подлинности и ответственности человека за свой выбор. Она говорила о том, как организации любят создавать иллюзию свободы, однако на работе выбор у большинства людей только один — смириться с имеющимися условия-

ми или уйти. Считается, что мы должны мыслить нестандартно — уметь выходить за рамки, — однако в действительности это почти никогда не приветствуется. Вот теперь я включилась полностью и ловила каждое слово.

Экзистенциалисты призывали нас создавать свои личные моральные ценности, продолжала она, но на работе мы вынуждены либо исповедовать корпоративные ценности, либо рискуем не вписаться в команду. Нас муштруют, ориентируя на корпоративную культуру, и берут в штат, исходя из того, будем ли мы ей соответствовать. Независимо от результатов нашей трудовой деятельности эта практика противоречит экзистенциалистской идее о том, что человек есть постоянное изменение и становление, зачастую неожиданное и непредсказуемое. Теперь я чувствовала легкое головокружение. Я не успела поесть перед занятиями, но дело было не в этом. Эта лекция и правда была головокружительной.

О французских экзистенциалистах Симоне де Бовуар и Жан-Поле Сартре я к тому моменту что-то знала, но очень отрывочно и поверхностно. Помнила, что де Бовуар подняла волну феминизма своей книгой 1949 года «Второй пол» — радикальным манифестом, бросавшим вызов угнетению женщин. И о том, что не меньше, чем идеями, она прославилась личной жизнью — принадлежностью к интеллектуальной элите, проводившей время в парижских джазовых клубах и кафе, и длительными скандальными отношениями с философом и донжуаном Сартром.

Жизнь и философия де Бовуар отличались от моей удручающе тривиальной жизни как небо от земли. В профессии я состоялась, но выгорела дотла и была в тупике. К двадцати семи я выстроила карьеру международного арбитражного трейдера и управляла собственным портфелем ценных бумаг и валют. Я провела на Уолл-стрит шесть лет, но потом моя рабочая виза H-1B закончилась, и я вернулась в Австралию, органи-

зовала себе домашний офис и продолжила торговать на американском и европейском рынках ценных бумаг из Сиднея.

Год, когда я была финансовым вампиром — сидела ночами, не сводя глаз с блумберговского терминала, и тянула деньги из дыр в рыночной структуре, меня надломил. Тогда как раз лопнул пузырь доткомов, компьютерные алгоритмы сузили спреды, что повлекло за собой увеличение риска и падение прибыли. Я надеялась, что МВА станет для меня обратным билетом в мир живых и ступенькой к новой карьере. Я не знала, куда податься. Какое-то время заигрывала с журналистикой, потом отработала несколько лет в небольшой консалтинговой компании, параллельно занимаясь докторской диссертацией.

Все это время я состояла в подавляющих меня в интеллектуальном и профессиональном плане отношениях с человеком, который не понимал моих устремлений. Неизменно со всех сторон я сталкивалась с давлением. Мне подсовывали книги с названиями вроде «Правила. Как выйти замуж за мужчину своей мечты и сохранить любовь навсегда». Чего ждет общество от меня, почти тридцатилетней одиночки, было понятно: найти любовь, выйти замуж, родить детей и жить долго и счастливо до конца дней своих. Но я подозревала, что это ложная формула счастливой жизни.

Экзистенциализм вошел в мою жизнь, когда я не просто в нем нуждалась, а, сама того не подозревая, жаждала его. Когда со всех сторон уже не нашептывали, а истошно трубили про тикающие часики, для меня, задышавшейся под гнетом общественных ожиданий, экзистенциализм с его речами о свободе, ответственности и тревоге стал глотком свежего воздуха, пробуждением — или по крайней мере побуждением прожить оставшуюся часть жизни не как сомнамбула.

Осознанно существовать во взрослом мире так же обманчиво трудно, как и быть собой. Философия Симоны де Бову-

ар импонировала мне как подход к тому, как нужно жить и любить и как добиться значимой подлинности в мире, где мы постоянно вынуждены продаваться — ради работы, ради одобрения друзей, ради профиля в соцсетях — и заполнять пустоту бесчисленными селфи и статусной атрибутикой.

Де Бовуар пробудила меня к жизни, потому что сама была амбициозной, живой и жизнерадостной. Она обладала блестящим умом, которым не кичилась, и природным обаянием. Она была предана философии и пошла против воли родителей, желавших, чтобы дочь приобрела какую-нибудь более практичную профессию, например стала библиотекарем. Семья де Бовуар не была состоятельной. У Симоны не было приданого, поэтому работать ей пришлось бы в любом случае, но она и сама хотела работать, поскольку желала полагаться только на себя. У нее был постоянный спутник жизни — Жан-Поль Сартр, — но она любила и других. И ее философия показалась мне более тонкой и полной оттенков, чем у ее современников-мужчин. Так, де Бовуар доказывала, что контекст имеет значение. Для женщины ситуация будет в корне отличаться от того, с чем приходится сталкиваться мужчинам, а значит, и доступные решения тоже будут разными.

Я разочаровалась в жизни. Чужие ожидания загоняли меня в угол, припирали к стенке и перекрывали свет. Я хотела знать, как смотрела на мир Симона де Бовуар и как бы она посмотрела на мир, оказавшись на моем месте. Я не собиралась ее копировать, мне нужно было разобраться в ее подходе и понять, как и мне добиться большей осознанности в решениях и их последствиях. Я хотела творить себя, но мне нужно было опереться на философские рассуждения де Бовуар, чтобы мои действия были подлинными. Я думала, что, изучив ее идеи, избавлюсь от гнета чужих ожиданий, не позволяющего вздохнуть. Так начались мои попытки понять философию подлинности Симоны де Бовуар, которые продолжаются

и сегодня, и эта книга посвящена тому, что мне удалось найти к настоящему времени.

* * *

Кем была Симона де Бовуар? Французским философом, писательницей и активисткой. Она родилась в 1908 году, выросла в Париже, изучала философию в Сорбонне — в те времена, когда женщин только начали допускать к получению образования наравне с мужчинами. Она запоем читала Карла Маркса, Розу Люксембург, Эдмунда Гуссерля, Мартина Хайдеггера, Серена Кьеркегора, Готфрида Вильгельма Лейбница и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Она училась бок о бок с теми, кто впоследствии, как и она, станет величайшими интеллектуалами своей эпохи. В их число входили Жан-Поль Сартр, Морис Мерло-Понти и Симона Вейль.

Де Бовуар была девятой представительницей женского пола и самой молодой среди всех когда-либо сдавших экзамен *agrégation* — высокоавторитетное, предполагающее суровую конкуренцию квалификационное испытание для потенциальных преподавателей, которое проводилось в Высшей нормальной школе⁴. Она стала одним из самых известных и читаемых философов в истории. Американская писательница и драматург Лоррейн Хэнсберри предположила, что «возможно, “Второй пол” окажется самым важным произведением [двадцатого] века <...> И мир уже больше никогда не будет прежним». Сара Бейквелл называла «Второй пол» «самым преобразующим из всех экзистенциалистских трудов», а когда де Бовуар скончалась, ее соотечественница философ Элизабет Бадентер воскликнула: «Женщины, вы стольким ей обязаны!»⁵ Вышедший в 1954 году роман Симоны де Бовуар «Мандарины» удостоился Гонкуровской премии, самой престижной награды французской литературы.

Однако называться философом Симона де Бовуар не желала⁶. Она скептически относилась к участию в элитарной, как она считала, традиции, требующей с фанатическим усердием создавать «бред под названием “философская система”», чем и занимались другие философы, не исключая Сартра⁷. Ее больше интересовали «живые» жизненные подходы и практические экзистенциальные решения⁸. В том числе поэтому она стала автором романов, автобиографических произведений и даже написала пьесу.

«Второй пол» начинается с вопроса о том, кого считать женщиной⁹. Ответ оказался настолько сложным, что исторический и философский анализ растянулся у де Бовуар почти на тысячу страниц. Между тем на этот массивный труд у нее ушло чуть больше года. За усердие и трудолюбие Симону прозвали Castor — «бобр». Кроме того, в этом прозвище обыгрывается созвучие фамилии Бовуар английскому названию бобра — beaver¹⁰. (Был ли здесь, кроме прочего, сексуальный подтекст, неизвестно*. Де Бовуар своего отношения к этому прозвищу не высказывала, но, судя по всему, оно ее не задевало.)

И вот, корпя, как бобр, над «Вторым полом» в 1940-х, де Бовуар остро ощутила неравенство между полами. Она осознала, как ей повезло получить образование и выстроить преподавательскую карьеру, хотя хорошие учебные заведения стоили семье дорого. Симона усердно училась. Благодаря уму и происхождению (буржуазная белая семья, принадлежащая к среднему классу) у де Бовуар был выбор, которого большинство женщин были лишены. Но своим привилегированным положением она сумела распорядиться правильно. «Нет, я не только не страдала из-за принадлежности к женско-

* В английском языке у beaver есть сленговое значение «женские половые органы» и «лобковые волосы». — *Прим. пер.*

му полу, а скорее соединяла начиная с двадцати лет преимущества двух полов», — писала де Бовуар¹¹.

В 1970-х годах она рассказывала в одном интервью о том, как работа над «Вторым полом» изменила ее собственные взгляды:

[Работающая женщина — например, секретарь] не могла просто посидеть в кафе и спокойно почитать книгу — к ней обязательно кто-то начинал приставать. Ее вряд ли пригласили бы на вечеринку ради «ее мыслей». Она не могла оформить кредит или владеть имуществом. Я могла. Что еще важнее, я посматривала свысока на женщин, не находивших финансовых средств и душевных сил демонстрировать независимость от мужчин. Пусть даже не формулируя это для себя, я считала: «если я могу, то и они могут». Но занимаясь изысканиями для «Второго пола», я осознала, что мои привилегии — это результат моего отказа, по крайней мере в некоторых принципиальных отношениях, от собственной женственности¹².

Одна из ключевых идей философии де Бовуар состоит в том, что мы заброшены в мир и выстраиваем свое бытие за счет выбора. Если нам препятствуют в выборе, это угнетение; если мы сами выбираем поступиться свободой, это нравственное фиаско¹³. «Второй пол» превратился в двухтомное исследование того, как — и в результате угнетения, и вследствие принятия этого угнетения женщинами — женщина становится второй по отношению к мужчине (а ее положение безусловно было таковым и в 1940-х годах, когда Симона де Бовуар создавала свою книгу, и зачастую таковым остается и по сей день).

Самый революционный и одновременно самый известный тезис де Бовуар — «Женщиной не рождаются, ею стано-

вятся»¹⁴. О смысле этих слов спорят со времен выхода первого издания книги, но более или менее сходятся в одном: если пол — биологическая данность, то гендер — социокультурный конструкт, хотя сама де Бовуар во «Втором поле» термин «гендер» не использовала¹⁵. С точки зрения де Бовуар, женщина становится женщиной под давлением общества, которое вынуждает ее определенным образом вести себя. Это давление включает в себя и воспитание, и ожидания со стороны представителей социального круга, и даже самоцензуру, направленную на соответствие стереотипам. Всего этого достаточно, чтобы заставить человека действовать, жить и даже выглядеть именно так, а не иначе.

Однако из наличия матки как такового совершенно не следует, что женщина должна заниматься преимущественно домашним хозяйством, а мужчина — быть добытчиком. Де Бовуар доказывала, что ложная логика, придающая чрезмерное значение биологическому началу и сводящая предназначение женщины к рождению детей, использовалась для того, чтобы подчинить женщину мужчине в социокультурном (и как следствие — финансовом) отношении.

Сентенцию о том, что женщиной не рождаются, ею становятся, можно толковать и по-другому: нас не создают женщинами, у нас есть потенциал превратить себя в женщину. Во «Втором поле» де Бовуар интересовали оба измерения: понимание того, как внешние силы загоняют нас в рамки традиционных представлений, и наша свобода творить себя. «Второй пол» заканчивается призывом к женщинам действовать — противостоять гнету, принимать свою свободу и жить подлинной жизнью, следуя собственным замыслам и строя собственную карьеру.

Де Бовуар прославилась тем, что переосмыслила роль женщины не только теоретически, но и на практике, опираясь на свои принципы в повседневной жизни. Из нее расти-

ли истовую католичку и примерную дочь, она мечтала стать монахиней, но приверженность католицизму сохраняла недолго. Де Бовуар отказалась от традиционного для женщин пути, предполагающего замужество и детей. И в то же время она хорошо понимала переживания других женщин и смогла поделиться своими идеями о том, как выбрать либо традиционную, либо альтернативную дорогу и идти по ней в согласии со своей подлинной сущностью, свободной и сильной, а не потому, что другого не дано.

Симона де Бовуар написала «Второй пол» в 1949 году, всего через пять лет после того, как француженки отвоевали себе право голоса: в принятии закона о всеобщем избирательном праве Франция ощутило отставала от Новой Зеландии, установившей его первой из всех стран мира в 1893 году, Соединенных Штатов (1920) и Великобритании (1928). Во время Второй мировой войны женщинам пришлось взять на себя роли, традиционно отводившиеся мужчинам. Борьба за возможность голосовать началась задолго до войны, но уже после, обладая правом голоса, феминистки продолжили сражаться за равенство на рабочих местах и в семье.

Потрясения и тяготы Второй мировой создали почву для солидарности — для того, чтобы сплотиться и сообща бросить вызов сложившимся представлениям о месте женщины в обществе. В Европе, Северной Америке и других регионах мира поднималась новая волна феминизма, несущая более широкий доступ к образованию и средствам контрацепции, а также спустя еще некоторое время возможность развода по взаимному согласию сторон. Без этих и других прав женщины не смогли бы стать хозяйками собственной судьбы.

В 1975 году де Бовуар выразила радость по поводу того, что ее работа нашла отклик у такого количества обычных женщин и активисток, включая иконы феминизма Бетти Фридан, Глорию Стайнем и Кейт Миллетт. Де Бовуар не была осно-

воположницей феминистского движения, однако философ Юлия Кристева считает, что именно она очертила, выкристализовала и приблизила феминистскую революцию середины XX века¹⁶. Работа де Бовуар побуждала бороться за право женщин распоряжаться своим телом, за их доступ в профессиональную и политическую сферы и за трансформацию отношений между полами.

* * *

Времена Симоны де Бовуар во многом отличались от наших. Она пережила две мировых войны, у нее не было вайфая, социальных сетей и стримингового телевидения. Но идеи де Бовуар не теряют актуальности в том числе и потому, что они рождались в чрезвычайно мрачное время, исполненное политических бурь. В нашей жизни по-прежнему хватает потрясений, не только политических, но и экзистенциальных: перед многими разверзлась пропасть бессмысленности существования. Четко расписанным готовым рецептам, которые предлагают религия, семья, общество или руководство, доверия мало. Нередко кажется, будто мы погружаемся в мир постправды. Нам необходимо окинуть свою жизнь критическим взглядом, и Симона де Бовуар может нам в этом помочь. Задача моей книги — рассказать, что мы можем вынести из философии де Бовуар, чтобы по-новому взглянуть на свою жизнь и обрести подлинность.

В экзистенциализме — и, в частности, в экзистенциализме де Бовуар — нет строгих правил. Даже в определении своей философии экзистенциалисты расходились во мнениях. Для этого философского направления важны такие темы, как личный опыт, свобода, подлинность, ответственность, индивидуальность, тревога, смерть, вовлеченность, конкретные действия и поиски смысла жизни.

Расцвету экзистенциализма в 1940-х способствовали не только работы де Бовуар и Сартра, но и Карла Ясперса, Габриэля Марселя, Мартина Хайдеггера, Мориса Мерло-Понти, Альбера Камю и других. Популярность экзистенциализма объясняется в том числе признанием важности индивидуальной свободы, коллективной ответственности и абсурдности мира, в котором возможно такое варварство, как война.

Серией эссе и лекций в конце Второй мировой, когда нацистов выдворили из Франции, де Бовуар и Сартр начали «экзистенциалистское наступление», как они его называли¹⁷. Обращаясь к трудам Симоны де Бовуар, я продолжаю экзистенциалистское наступление на поверхностную литературу по прикладной психологии и сопротивление поиску быстрых решений. Я не даю рецептов и не гарантирую результатов. Однако я намечаю отправную точку, первый шаг к тому, чтобы увидеть и понять тиранический характер чужих требований и почувствовать те цепи, в которые мы заковываем себя сами во имя любви, долга и других оправданий, помогающих нам снять с себя ответственность за собственную свободу.

Экзистенциалистское мышление — не лайфхак. Это не инструкция, как стать победителем в жизни. Экзистенциализм — не диванная философия, а осознание того, что каждый волен создавать смысл жизни и ценности, деятельно участвуя в жизни мира, сопротивляясь угнетению, ограничивающему наши возможности, и, наконец, выходя и действуя, а не только размышляя о том, что можно было бы сделать. В трудах де Бовуар ясно прослеживается мысль, что окружающие люди — условие нашего существования. И если мы дорожим собственной свободой, то должны дорожить и чужой. Считать иначе — значит обманывать себя.

Симону де Бовуар критикуют за то, что она смотрит на мир сквозь очки белого среднего класса. Да, она действи-

тельно практически не затрагивает некоторые темы, в частности расизм, поэтому, чтобы заполнить эти пробелы, нам придется обратиться к другим мыслителям. Чтобы получить более глубокий анализ, включающий структурный расизм и теорию интерсекциональности (пересечения дискриминаций), можно обратиться к работам белл хукс, Одри Лорд, Гаятри Спивак и других — тех, кто знает расстановку сил в обществе на личном опыте. И тем не менее де Бовуар многое сделала для того, чтобы выявить структурные принципы угнетения и свободы. Она была глубоко обеспокоена материальным неравенством, поэтому сосредоточивалась, среди прочего, на половой, возрастной и классовой дискриминации.

Мы живем в мире, охваченном расовым и экономическим неравенством, подверженном пандемии коронавируса, изменениям климата и природным катастрофам, — в мире, где необходимо осознать нашу взаимосвязанность и пересмотреть отношение к себе и друг к другу. Де Бовуар указывает на способы осмыслить свое положение в этом сумбурном мире, где столько уродливого и отвратительного и где так трудно бывает разглядеть красоту жизни. Многие люди борются с несправедливостью и пытаются что-то изменить, но немало и тех, кто пребывает в неопределенности, не понимая, как быть, что менять, и менять ли, и как лучше действовать.

Экзистенциализм де Бовуар дает нам возможность стать ответственными людьми, способными изменить мир к лучшему. Среди мощных когнитивных инструментов, которые она предлагает, — умение понять, над чем мы властны, а над чем нет, способность выбирать перспективные цели и посвящать себя им, способность учитывать существование других людей при принятии решений и не скрывать от себя самих жизненные противоречия и конфликты.

Эта книга не пошаговое руководство «Двенадцать правил подлинности»¹⁸. Это введение в философию, являющуюся обоснованием подлинности, и исследование того, как стремление к самореализации обогатило жизнь реальных женщин. Я буду приводить примеры успеха и неудач, которые пережила сама де Бовуар, другие женщины и лично я на своем пути к подлинности¹⁹. Как вы узнаете из этой книги, я не раз сбивалась с этого пути. Однако мои поиски продолжаются, и опираюсь я в них прежде всего на идеи Симоны де Бовуар, но преимущественно — и это самое важное — на мои собственные идеи. Оставаясь верными идеям де Бовуар, нужно начать этот путь самостоятельно.

Я пишу эту книгу, потому что размышления де Бовуар о подлинности изменили мою жизнь к лучшему. Думаю, философия Симоны де Бовуар может изменить и вашу жизнь — точнее, вы сами можете изменить собственную жизнь, если проникнетесь основной идеей этой философии. Она помогает понять возникающие перед нами вызовы и осознать необходимость неустанно делать выбор, касающийся нас самих и всего, что нам дорого. Можно научиться этому, осваивая философию де Бовуар и адаптируя ее к требованиям сегодняшнего дня.

* * *

«Быть искренним не так-то просто», — рассуждает один из персонажей романа Симоны де Бовуар «Мандарины». Отчасти именно поэтому так трудно «просто быть собой». Как нам выразить себя, передать наше мировосприятие и мироощущение, почувствовать крутые повороты жизни на пересечениях с жизнями друзей, врагов, любимых — и делать это искренне, подлинно?

Эта книга о подобных противоречиях — несоответствиях между тем, как мы создаем себя, как влияют на этот процесс другие люди и как мы влияем на их жизни, — и о том, как мы могли бы сообща переделать мир, ориентируя себя на подлинность. Структура этой книги отчасти заимствована из «Второго пола», где рассматриваются факты и мифы, касающиеся женщин, с примерами из реального жизненного опыта.

Первую часть посвящена ряду ключевых составляющих человеческого бытия — экзистенциальному взгляду на то, что нам подвластно, а что нет; некоторым способам формирования и регламентирования женственности; юности как времени, когда наши решения и выбор особенно влияют на окружающий мир.

Во второй части исследуется, каким образом напряженность между нами, другими людьми и окружающим миром проявляется в конкретных жизненных ситуациях. Мы творим себя, состоя в интерсубъективных и взаимных отношениях с друзьями и любимыми. Брак и родительство отягощают многих бременем традиций и чужих требований, но мы можем своими решениями и выбором изменить мир так, чтобы эти жизненные роли не уничтожали нашу свободу. Старение также не повод прекращать творить себя и создавать мир, способный нейтрализовать дискриминацию. Но даже смерть исподволь влияет на наше существование, заставляя настойчиво искать в нем смысл.

В части третьей я фокусируюсь на выборе проектов: как понять, какие из них станут поддержкой в поисках самореализации, а какие собьют с пути. Нарциссизм (самолюбование), мистицизм (самоотречение) и стремление к счастью способны отвлечь от подлинного пути, а бунтарские замыслы — наоборот, ключ к освобождению себя и других людей от самосаботажа и угнетения, чтобы возможно было свободно строить свою подлинную жизнь и подлинный мир вокруг.

Называя что-либо — взаимоотношения, жизнь, счастье — подлинным, я подразумеваю нечто по-настоящему значимое. Речь о том, наполнены ли наше существование, становление, действия, выбор, поступки, отношения подлинностью. То есть представляют ли собой наши истинные намерения не эгоистичный порыв, а подтверждение уникальности личности и ее положения в мире.

Книгу нельзя назвать всеобъемлющим обзором философии де Бовуар. Я действовала избирательно, сосредоточиваясь на темах и стратегиях, которые считаю особенно актуальными для нашей сегодняшней жизни. Моя работа обращается и к биографии де Бовуар, и ее идеям не только потому, что временами само ее существование было бунтом, но и потому, что она описывала свою жизнь и размышляла о ситуациях, в которых оказывалась, как философ. Она побуждает нас поступать так же. В своих письмах, дневниках, мемуарах и прочих текстах де Бовуар делится глубоко личными подробностями, и эти грани ее публичного образа помогают нам понять ее мысли.

Меня как философа учили не обращать внимания на личную жизнь мыслителей: неважно, кем был теоретик и как он себя вел, главное, что в своих рассуждениях он приходил к верному заключению. Предполагалось, что важны только идеи, аргументы и доказательства в пользу сделанных выводов. Если говорить о таких абстракциях, как философия математики, личность философа действительно имеет минимальное отношение к делу. Принципиально ли для философии математики Готлоба Фреге, что ее автор был антисемитом? Скорее всего, нет.

Но когда речь идет о человеческой природе, все это выходит на первый план, поэтому «биографические отступления» вполне оправданны. Конечно, рассказывать, как можно было бы жить, — это совсем не то же самое, что прожи-

вать жизнь самому. Но знание о выборе и действиях, которые де Бовуар совершала, о ее успехах и неудачах одновременно воодушевляет и дает понимание того, что для нее значило добиться подлинности. Неустанно борясь с представлениями других людей о том, как ей надо жить и действовать, она рекомендует так же бороться и нам. Присмотревшись к ее жизни, мы получаем шанс предвидеть те или иные вызовы, которые могут возникнуть и перед нами.

Почему так важна де Бовуар? Философский канон полон мужских голосов, со всеми сопутствующими представлениями, предубеждениями и оптикой. Женщины, лишённые доступного мужчинам образования, родившиеся и росшие под гнетом или с детства ощущавшие себя вторым сортом, в своем философствовании отталкиваются от иного опыта и имеют другую точку зрения. У многих женщин сегодня больше возможностей, чем во времена де Бовуар, — особенно у белых представительниц Запада, к которым отношусь и я, и тем не менее мы до сих пор сталкиваемся с вызовами, которых для мужчин не существует.

В 2021 году, когда я пишу эти строки, Поправка о равенстве прав в Соединенных Штатах, гарантирующая равные юридические права всем гражданам независимо от пола, по-прежнему ратифицирована не всеми штатами. В этом же году Техас запретил почти любые абортс на сроке больше шести недель, то есть когда женщина зачастую еще не подозревает о беременности. Верховный суд Соединенных Штатов (на момент написания моей книги) этот запрет не отменил*. белл хукс писала когда-то: «Столько слов любви, которые предлагают нам великие люди, оказываются непригодными, когда мы вплотную сталкиваемся с действительностью»²⁰.

* 24 июня 2022 года Верховный суд США предоставил штатам право самостоятельно принимать законодательные акты о запрете абортс. — *Прим. ред.*